

ЭО, 2009 г., № 5

© Н.Л. Пушкарева

ПОЗОРЯЩИЕ НАКАЗАНИЯ ДЛЯ ЖЕНЩИН В РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА*

Ключевые слова: русское обычное право, женщина, позорящие наказания, этнография семьи, гендерные роли, гендерные исследования в этнологии, феминистская этнология

“По деревенской улице... с диким воем двигается странная процессия. К передку телеги привязана веревкой за руки маленькая, совершенно нагая женщина. Все тело ее в синих и багровых пятнах, грудь рассечена. Должно быть, по животу женщины долго били поленом, а может, топтали его ногами в сапогах – живот чудовищно вспух и страшно посинел... А на телеге стоит высокий мужик, в белой рубахе, в одной руке он держит вожжи, в другой – кнут и методически хлещет им раз по спине лошади и раз по телу маленькой женщины. Сзади телеги и женщины, привязанной к ней, валом валит толпа...” (*М. Горький*). В этом отрывке описание “вывода” – истязания женщины за супружескую неверность, потрясшее юного М. Горького; описанное случилось в д. Кандыбовке Херсонской губ. в 1891 г.

Какие цели могло преследовать подобное наказание и какие иметь последствия для униженной женщины? Как долго оно существовало? В чем географическое своеобразие практик позорящего, гендерно окрашенного насилия в отношении проступков, связанных с женским телом? К этой теме уже обращались российские антропологи, но не специально (*Власкина 1999: 207–208; Щепанская 2001: 115–176*).

Понятия *неверность* и *честь* обрели гендерную окраску вместе с возникновением гендерной асимметрии – исторически первой формы социальной депривации. При этом понятие *мужской чести* многие столетия лишь впитывало в себя тему верности избраннице (в отношении незарегистрированных браков это происходило долго, и даже в современном обществе понятие мужской, в том числе супружеской, верности слабо связано с представлениями о мужской чести, оставаясь весьма многозначным).

Иное дело – *честь женская*. Как понятие оно весьма рано оказалось нагружено гендерным смыслом, и женская честь по сей день воспринимается именно как соблюдение целомудрия девушкой и супружеской верности замужней женщиной. Любой собеседник, даже не будучи историком, скажет, что нарушение целомудрия и адюльтер для русской женщины – всегда “сором” (*Базылев и др. 1998: 12–13*), стыд, срам, позор. Слово сочетание “честная девушка” или “честная женщина” и в большинстве славянских языков означает невинность до брака и верность в супружестве (*Cvetanovska 2001: 564–558*).

* * *

К началу XIX в. писаное светское право приобрело значительное влияние в городах (особенно крупных и особенно в высших слоях общества). Это оно давало основание судить и оценивать поступки и проступки людей. Проект уголовного уложения 1813 г. “О наказаниях за обиды против добрых нравов или о стыдных преступлениях” предполагал равное наказание и мужу, и жене за адюльтер: “церковное покаяние и содержание в монастыре от шести недель до 3-х месяцев” (*Абрашкевич 1994: 442*). Хотя Свод Законов 1831 г. решительно наступал на прерогативы церкви, она не собиралась отдавать на откуп светской власти то, что касалось морали и нравственности. Свои установления она отождествляла с верностью православию и, шире, христианству.

Наталья Львовна Пушкарева – доктор исторических наук, и.о. завсектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН.

Брачно-семейные дела в XIX столетии имели двойное подчинение, при этом подчас нормы старого права (основанного на византийских кодексах) прямо противоречили, особенно в имущественных вопросах, праву новому, светскому, к 1830-м годам изданному в Полном собрании русских законов.

Писаное право в России формировалось несколько в стороне от народных традиций, а совершенствовалось в направлении интересов государства (не личности). Позорящие наказания в российском светском праве как таковые существовали, но “особость” их именно для женщин нигде не была прописана. В то же время даже среди тогдашних юристов бытовало мнение: позорящие женщин наказания зиждились на стремлении “посрамить виновных, дабы унижить в лице их порок и возвысить значение добрых нравов” (*Костров* 1876: 78, 242).

Как и в стародавние времена, небезупречное поведение девушки считалось прегрешением меньшим, нежели измена замужней женщины. Ответственность за лишение девственности возлагалась на саму девушку (поскольку она или допускала подобные отношения – или не допускала, исходя из известного принципа, приведенного информатором Тенишевского бюро из Ярославской губ.: “*Сука не захочет – кобель не наскочит*”) и на ее родителей и воспитателей. Примечательно, что “уступчивость” девушки считалась простительной, если она допускала связь с мужчиной более высокого статуса (к ним относились даже волостные писари, не говоря уже о купцах), более богатого, – и казалась особо предосудительной, если девушка уступала бедному, польщалась на “мужика”. Богатство, более высокий социальный статус были понятными и объяснимыми мотивами, заставлявшими девушку “грешить”, материальные выгоды извиняли ее “грех”. Ситуация же, когда девушка “спутывалась по любви”, была совершенно неизвинительной и приписывалась особой развращенности согрешившей. Девственность была тем особым природным даром, который давался каждой, и бедной и богатой; но в зажиточных семьях сохранность ее толковалась амбивалентно: “имущественный достаток невесты при выходе в замужество часто покрывает отсутствие в ней целомудрия” (РКЖБН 2.2: 198; РКЖБН 4: 165; РКЖБН 3: 430).

В центральных губерниях для венчания девушки, не сумевшей сохранить девственность, стало принято давать очистительную “молитву девке-родильнице”, после которой девушка получала *очистительную память* от поповских старост, коим и поручалось исследование дел о внебрачных рождениях (*Снегирев* 1833: 33). Иногда – это был путь к покаянию – священник назначал епитимью: согрешившая трижды должна была на коленях обползти церковь. Есть данные, что уже в начале XX в. у русского населения, например на Украине, этот способ поношения и опозоривания молодой почти исчез и “вместо него часто священник обязывает молодую поработать у него несколько дней” (*Чижикова* 1978: 176; *Кистяковский* 1872: 20).

Зачинщиком позорящего наказания часто бывал брошенный девушкой парень, обиженный невниманием сосед; он и ставил на обсуждение сельского схода “дело об обиде”. В сообщениях о штрафах, налагавшихся сходом на родителей (его могли взять и алкоголем) (Самосуд 1875), ничего не говорилось о способах проверки “честности” девушек, если речь не шла о свадебном ритуале. Очень часто вначале пускали слух о нечестности, затем мазали у якобы провинившихся ворота дегтем, обсуждали на сходе – само привлечение внимания к физическому состоянию девушки уже было позорным.

На свадебном пиру важнейшим актом была демонстрация “честности” невесты или признание ею вины. “Расправы и никаких позорящих обрядов не бывает, если она прежде увода в *комору* сознается, что потеряла девство. Новобрачная, сознаваясь в своей вине, просит, кланяясь в ноги, прощения у отца, матери, свекра и свекрухи... В противном случае совершение позорных обрядов идет своим чередом. Они рассчитаны на то, чтобы опозорить мать, отца и даже всю родню невесты...” (*Кистяковский* 2004: 529; РКЖБН 5.2: 409; РКЖБН 2.2: 359; РКЖБН 3: 313).

В Литве и в Малороссии был обычай наказывать девиц, нарушивших целомудрие, сажанием при дверях церкви на железную цепь (в западно-русских землях она называлась *куницею* или *куной*, а в Малороссии – кандалами) (Терещенко 1848: 111). Народный свадебный ритуал в этих краях включал демонстрацию рубашки невесты, изредка – даже ее появление перед гостями в рубашке с кровавыми пятнами: ей полагалось вымести пол с остатками разбитых в честь ее невинности склянок. Чаще же брачную рубашку выносили и, показав, вместе с четвертью вина и благопожеланиями отдавали родителям (РКЖБН 2: 429).

Целомудренность или ее отсутствие должны были быть обнаружены рано утром в понедельник или же ночью с воскресенья на понедельник (ТЭСЭ 1872: 459–460). Основным знаком, свидетельствующим, что жених нашел невесту целомудренной (если не выносилась рубашка), было битье посуды, стаканов, бокалов – символ благополучного нарушения целостности главного девичьего “сокровища” (РКЖБН 4: 267). Свадьба без битья посуды в Нижегородчине считалась “невеселой” как раз потому, что означала начало опозорения. Абсолютно обратный обычай описал информатор из Калужской губ. Там молодому положено было бить посуду, “ломать и грызть” ложки в знак разочарования “несохранностью” невесты (РКЖБН 3: 210).

Нецеломудренность невесты – “Хорош соболек, да измят!” – могли осуждать только новобрачный и его род, причем особое право срамить имели не только мужчины, но и женщины мужниного рода – мать и сестры мужа, невестки (Киркор 1854: 149). Избиение молодого своей жены нагайкой за несохранение девственности описано в литературе XIX в., но нет данных о распространенности такого обычая; скорее, типичным было сокрытие молодого провинности его избранницы.

В Черкасском уезде Киевской губ. принято было наказывание нецеломудренной невесты матерью жениха, и жених же останавливал ее в какой-то момент – указав, что теперь он хозяин молодой: «лишившаяся девственности до свадьбы не идет к столу, а подползывает на коленях под стол, из-под которого должна показывать свое лицо. Мать (жениха) всякий раз, когда молодая выдвигает голову, бьет ее по лицу, это продолжается до тех пор, пока муж не запретит (“в моей хате никому не дам своей жинки быты”). Тогда уж молодая выбиралась из-под стола и садилась около мужа» (Кистяковский 2004: 554).

Опозорение отца девушки, не сохранившей девственности, встречалось редко, но все же отдельные случаи бывали: решением волостного суда в Каменецком уезде было определено подвергнуть отца за провинность дочери, прижившей внебрачное дитя, наказанию розгами; аналогичные случаи описаны в Кинешемском уезде (ТЭСЭ 1855). На Дону общим способом поношения родителей, не сберегших девственности дочери, было исполнение срамных песен, надевание на шею венка из соломы или баранок, одаривание матери или, если невеста была сиротой, воспитательницы селедкой или таранькой (вместо курицы, которую клали на колени матери или воспитательнице, которые уберегли дочь или воспитанницу от соблазнов). В Калужской губ. срамили прежде всего мать новобрачной, а не ее саму, именно мать могли впрячь в борону и заставить провезти ее за собой по деревне (РКЖБН 3: 313).

Напротив, осрамление свахи (вместо родителей или вместе с родителями не сохранившей чести девушки) было явлением распространенным. В Поволжье (Свияжск) существовал ритуал “паренья свахи”: сосватавшую нечестную невесту сваху клали на улице на лавку, задирали подол и били венником, посыпая на тело снег (Зорин 2001: 92), – за “нечестность” одной женщины должна была нести ответ другая женщина, но непременно женщина! В Витебской губ. “хомуты позора” надевали и друзьям, и сватам “и водили по деревне, причем шлея хомута тащится по земле”, не говоря уже о родителях и свахе (РКЖБН 2.2: 359; Смирнов 1878: 602)).

В некоторых местах на воротах или на крыше дома согрешившей невесты вывешивали хомут, в других – мазницу или рогожу, обмазывали нечистотами стены дома,

пробивали в печи дыру, обмазывали стены грязью, били окна в доме родителей невесты. Иногда опозорение выражалось в том, что кто-нибудь из свадебных “бояр” лез на крышу хаты невесты с ведром воды и оттуда брызгал водой: символический знак невоздержанности новобрачной, ее готовности “давать всем, чтоб каждому попало” (как брызги воды). Есть данные, что в иных местах втаскивали на крышу дома разьеженное колесо или, если дело обнаруживалось зимой, старые сани (Краснов 1881: 427; Кистяковский 2004: 529–552). Все действия сопровождалось словесным поношением, среди обычных позорящих слов были *блядь*, *потаскуха*, *сволочь* (от *волочить*, *сволакивать*. – Н.П.), *подкладня*, *паскуда нестоящая* (РКЖБН 3: 555).

Самым распространенным наказанием было надевание на шею лошадиного хомута “без гужов” (веревки, иных частей упряжи) – символа “озверения”, близости миру животных (Рыблова 2007: 400) и одновременно антипода цветочному венку – символу девственности. Надевание хомута было и измененной, более гуманной формой припрягания к лошади (это делалось с замужними) как акта усмирения. С другой стороны, как вид кольца или обруча, хомут символизировал и вульву. Его могли повесить на гвоздь, вколоченный над притолокой, а чаще надевали на шею не только провинившейся невесте, но и ее отцу, матери. На такой случай наскоро делали даже несколько соломенных “хомутов, намазанных смолой и разными гадостями” (Смирнов 1994: 602; Кистяковский 2004: 554; Аргудьева 1997б: 104). В Малороссии хомут делали из соломы, косу девушки распускали, лицо могли прикрыть платком и в таком виде водить по улицам. Иногда в знак позора девушке оголяли ноги, “подвязав ей платье к поясу соломенными веревками” (Смирнов 1994: 247; Журавченко 1872: 461). Обычай позорить хомутом, надеваемым на шею (свахе, родителям невесты и ей самой), быстро получил распространение у других народов, населявших Россию (Федянович 1997: 40–41).

Другими типичными позорящими действиями были: измарать рубаху девушки сажей (со словами “Запачкала ты себя [с таким-то] беззаконием!”) или дегтем, который из-за черного цвета также был в крестьянском быту символом бесчестья и зла (Громыко 1991: 100; РКЖБН 2.2: 359; Бернштам 1988: 243), и, перепачкав рубаху, провести по улицам без юбки (Тенишев 1907: 26). Есть свидетельства информаторов о том, что мазали ставни и стены дома провинившейся дегтем со словами: “Если любишь, то люби одного” – тем самым указывая, что жизнь следовало строить с тем, кто растлил девство. Важной стоит признать оговорку, что “насмешные наказания” по отношению к девушке применялись, когда “было на то согласие ее родителей и родных”: в Орловском уезде некоторые родители не позволяли так срамить свою дочь, а иные, напротив, приходили на сходку и просили о том (Рыблова 2007: 405; Никишенков 2003: 174; Филиппов 1859: 218).

Не менее распространенным способом опозоривания невесты во время свадебного пира было «подать родителям “худой” (т.е. плохой, дырявый) кубок с вином, прорванный в середине блин, а к дуге телеги привязать худое ведро» (Литинская, Сафьянова 1978: 197). Случалось, на головы сватам и отцу такой невесты надевали дырявый горшок (Миненко 2007: 121). В Олонецкой губ. ритуалы, связанные с честностью девушки, были отнесены на следующее утро, когда молодой с дружкой и сватом должны были получить от тещи яичницу. Если невеста была целомудренна – желток яичницы вырезали и дружка в образовавшееся отверстие лил масло, а чашку, из которой он его вылил, разбивал. Если нет – яичницу резали на куски (Смирнов 1994: 602). В Полесье нецеломудренной невесте и ее родным давали несладкую, а иногда и просто соленую кашу (Кабакова 2001: 180–181).

В Архангельской губ. срамить девушку, незаконно прижившую ребенка, к концу XIX в. стало не принято, однако таковую могли отлучить от родительского дома, от дружбы других женщин. Если худая молва о потерявшей девственность подтверждалась, то девушку могли лишить права сплетать волосы в одну косу, по общему

приговору она должна была убирать их в две косы без девичьей повязки, покрывая их *волосником* (отсюда термин *самокрутка*). Обряд “покрытки” у малороссов был не столько позорящим, сколько, напротив, сглаживающим прегрешение девушки в глазах общественного мнения (*Даль* 1866: 121; *Нос* 2004: 524–525): иной головной убор показывал переход девушки в другую возрастную группу, поскольку девичью косу ей уже было заплетать нельзя, отсюда полесское выражение “росчесав їй косу до вінца” (*Кабакова* 2001: 153). И в русских селах такое посрамление не имело характера общего публичного наказания, а совершалось всегда лишь отдельными, “заинтересованными” лицами.

Чем дальше от центра (особенно на север) – тем перmissiveнее было отношение к лишению девственности. Если в Калужской губ. информатор сообщал, что “случаев, когда бы девушка, имея незаконнорожденного ребенка, вышла замуж, не было”, то на окраине Тверской губ. “никакого публичного посрамления оказавшейся нецеломудренной” не устраивалось (РКЖБН 1: 469). Нет данных, что была какая-то систематичность в ритуалах позора для девушек в Казанской губ. – там в конце XIX в. вообще бытовало присловье “*Жену с почина берут*” (*Заметка* 1865; *Даль*). В Пермском крае родители не видели ничего дурного в том, чтобы девушки были в поиске любого до свадьбы (*Смирнов* 1994: 248), а в Мезенском уезде, где существовал свальный грех, невинность девушки вообще ценилась мало: родившая скорее находила себе мужа (РКЖБН 3: 330; *Г-ь* 1870; *Ефименко* 1869: 46; *Селькова* 1986: 123).

Описывая обычаи Сольвычегодского уезда Вологодской губ., информатор заключил: «Редкая девушка не даст *потыркать* (глагол совокупления не в грубой форме) своему миляшу до свадьбы... Мужики говорят, что без этого нельзя жить, а бабы – “ой да щё, ведь нам пуцае вашего хочесь!”» (РКЖБН 5.3: 663).

Посрамляющих обрядов на Русском Севере не водилось, но девственность ценилась (РКЖБН 5.4: 210). В удаленных от центра сибирских деревнях в условиях переизбытка мужчин возможность интимных отношений с женщиной ценилась не только на словах, но и на деле (среди золотоискателей и рудознатцев). Родители девушек, получавшие за несохраненную девственность своих дочерей иной раз большие компенсации, имели свою выгоду: “ребенок у дочери-девушки нисколько не бесчестил”, его охотно воспитывали, отвечая укоряющим: “*Плевок моря не портит*” (*П.П.* 1858: 105–109).

Иное дело – центральные и южные районы России, где до 1861 г. помещики в посрамление провинившейся приказывали “резать косу” (*Смирнов* 1994: 247) – острижение волос оставалось наиболее распространенным из женских позорящих наказаний (*Соловьев* 1878: 17).

Традиции, связанные с поддержанием идеи высокой ценности девственности до брака, сохранялись до середины XIX в. в Ростовском, Пошехонском, Владимирском, Дорогобужском (Смоленская губ.) и многих иных уездах (*Громыко* 1991: 96), но уже в 1841 г. один из наблюдателей в Калужской губ. записал: «Целомудрие не имеет большой цены в глазах нашего народа... Во многих губерниях, как, например, в Калужской, уже уничтожился старинный обычай вскрывать постель молодых. Отец и мать говорят жениху: “*Какая есть – такую и бери, а чего не найдешь – того не ищи!*» (РКЖБН 3: 432; РКЖБН 4: 232). Вскоре и обыденная мудрость в отношении целомудрия девушки в Вологодской губ. хотя и ориентировала на то, чтобы соблюдать нравственную чистоту, поскольку “принесшая ребенка” считалась “провинившейся”, но – коль это не удавалось – уже перестала предполагать обязательность публичных оскорблений (“разве что муж буде поколотит”) и издевательств (“никаких посрамляющих обрядов не устраивается”) (РКЖБН 5.1: 363, 366). Повинную могли отдать замуж за бедного жениха (РКЖБН 4: 407, 411), на Дальнем Востоке – за китаецца (*Аргудяева* 1997а: 139). К рубежу XIX–XX вв., как записал информатор в том крае, “девки сами умудряются обходиться без последствий”: утрата девственности перестала быть фактом, который следовало обнародовать (в этом регионе), и браки

стали совершаться между молодыми, мало придающими этому значение. “Вообще об отношениях молодежи можно сказать, что баловаться стало просто” – заключил современник-аноним (РКЖБН 5.1: 575). Народная молва с присущей просторечию прямотой припечатала смену прежних взглядов на обязательность девственного состояния перед свадьбой грубым, но точным присловьем: “*П...а хоть и дырява, зато морда не корява!*” (РОРЭМ. Оп. 2. Д. 778: 2, 4). А уж если добрачную беременность удавалось “прикрыть венцом” – вопрос о том, что случилось до него, вообще старались не поднимать. На Вологодчине отец невесты давал за беременной дочкой еще и корову к приданому – “для прокормления младенца” (РОРЭМ. Оп. 2. Д. 778: 13; РКЖБН 5.2: 479).

Напрасность позорящих наказаний точно сформулировал и информатор из Костромского края: “Хоть срами, хоть нет, а другую жену уж не дадут”; к рубежу веков “если супруг не найдет в молодой жене того, что соответствовало его ожиданиям, то самое большее – будет ее поначалу тузить, а со временем дело обойдется” (РКЖБН 1: 64, 214). В Калужской губ. в конце XIX в. зафиксировали растущую допустимость добрачных отношений молодых. Если в начале столетия девушку родня позорила словами о том, что та “замарала хвост” до свадьбы, то в конце на все укору молодая, как сказывали, могла ответить: “*Свой чемодан – кому хочу, тому и дам!*”, “*Поспала – ничего не украла!*”, “*От этого не полиняешь!*”, “*Не позолота, не слиняешь – от того, что похватали!*” (РКЖБН 3: 555–556).

В Ярославской губ. были записаны “отговорки” женихов, женившихся на нецеломудренных невестах, которые также говорят о том, что отношение к соблюдению правил переменилось: “*У нее не лужа – достанется и мужу!*”, “*Это добро не мыло – не смылится!*”

Раньше “старожилы говорили, что девушка, родившая ребенка, могла выйти замуж только за отца этого ребенка...” (РКЖБН 2.1: 218). Однако все чаще после рождения внебрачного дитяти строгость отступала: девице прощали ее ошибку, человечность брала верх над моральным принципом. Мать или бабушка той, что согрешила, на любые нападки привычно отвечали: “*Чей бы бычок ни скакал, а телятко наше*”, “*Грех да беда с кем не быва!*”, “*Грех сладок, а человек падок!*” На Вологодчине в 1898 г. во время свадьбы уже ограничивались вопросами и ответами в форме эвфемизмов: “*Грязь ли топтал, лед ли ломал?*” – на что жених почти всегда отвечал: “*Лед ломал*”, “если не хотел делать огласки” (РКЖБН 2.2: 562). В верхнем Поволжье, на Дальнем Востоке и в Сибири вместо окровавленной рубашки выносили гостям бутылку с вином или даже веник, обвязанные красной лентой, пирог с гроздью красных ягод, стлали под ноги красное полотенце (Аргудяева 1997б: 208; Зорин 2001). В случае потери девственности к бутылкам привязывали черные ленточки, у дома вывешивали черные флаги, свата пороли ремнем “палачи” – родственники жениха (РКЖБН 2.2: 359). Так что в идеале, конечно, девушке нужно было постараться “устоять” до венца – об этом говорят и частные акты 1890-х годов (РКЖБН 2.1: 465; РКЖБН 2.2: 198; Бальжанова 2007: 69).

К рубежу XIX–XX вв. народная традиция выработала и ритуал снятия напрасного обвинения девушки в бесчестном поведении, щадящие способы обнародования “почестности”. Например, девушка могла просить старосту собрать сходку. Порядок такой сходки описан наблюдателем из д. Мошковой Орловского уезда. Община всегда соглашалась провести расследование. На сходке должны были присутствовать все парни общины. Если девушка оказывалась невиновной, участники сходки кланялись ей в ноги: “Прости нас ради бога, ты не виновата” (Громыко 1991: 99).

* * *

Народные формы высмеивания женской неверности не только не осуждались священнослужителями, но и негласно поддерживались ими. Мужчинам за прелюбодеяние “полагалось” лишь моральное наказание. Иное дело – женщины. К ним применя-

лись позорящие наказания, и носители обычного права – сельские старосты, старики (“знающие люди”) (*Бреус* 2003: 157) – похоже, и не думали о последствиях унижения личного достоинства. Те, кто мог бы остановить жестокость, молчали, рассуждая: “К замужним, вступившим в связь”, надо относиться строже, чем к потерявшим девство, “Такие бабы вдвойне грешат – и чистоту нарушают, и закон развращают... *рас-тащици, несоблюдихи*” (РКЖБ 2.2: 378).

Стараясь развестись с нелюбыми, мужа часто обвиняли жен в супружеской измене. Это был верный способ расторгнуть брак, потому и прошений такого рода – и опубликованных, и архивных – сохранились сотни (ТКПВС II: 183; III: 88; IV: 654). Формальное, предписанное светским судом наказание женщины за супружескую неверность – если судить по решениям волостных судов – было несерьезным: недолгий арест, или общественные работы, или, в крайне редком случае по отношению к самым бедным, – наказание розгами (ТКПВС I: 402; II: 35; III: 11, 55, 414). Для мужа в случае неверности жены светское официальное право давало и такой выход, как изгнание жены-изменницы из дома без средств к существованию (приданое, внесенное ею при вступлении в брак, оставалось у супруга) (ТКПВС II: 183; III: 233–244; IV: 654).

В отличие от мужей жены практически не могли реализовать свое право на развод, если причиной подачи прошения о нем была несогласная жизнь. Редкий муж соглашался развестись, “а без согласия мужа ей паспорта не дадут... случаев же, чтобы супруги добровольно разошлись, не встречалось в деревне и окрестности”, правда, и “о разных наказаньях за измену не слышно” (РКЖБН 1: 477).

Практически в любых прелюбодеяниях – согласно народному воззрению – виноватой должна была считаться женщина. Один из информаторов в Ярославской губ. сказал так: “Женщина всякого парня может соблазнить, как Ева соблазнила Адама” (РКЖБН 2.2: 359). В сущности, этим объяснялась и мотивация позорящих наказаний для женщин: “Надо б с лица земли стереть или сделать такое наказание, чтобы и другие боялись, не попускали на распутство, соблазн на весь мир...” (РКЖБН 2.2: 375).

Самые детализированные описания ритуалов опозорения оставили их очевидцы, проживавшие в юго-западных и центральных районах России в середине XIX в. Рассказы о них заставляют сделать вывод о том, что инициаторами унижительных действий выступали те, кто вначале хотел получить денежную компенсацию за свое “знание”, а когда шантаж не удавался – устраивали издевательства над женщинами (как правило, одинокими вдовами и оставленными надолго ушедшими в отход супругами). Их, с одной стороны, некому было защитить (ни мужа, ни родных, ни родителей), с другой – они были бедны настолько, что не могли откупиться. Богатых же, защищенных недалеко живущими родными, никто позорить не решился бы. Заковывали в железо и “вязали столбу на несколько дней”, водили обнаженных “с музыкой”, с венками из “будяков” (репьев) на головах, по пути избивая, засыпая глаза придорожным песком, заставляя танцевать или целовать измазанные дегтем ворота только тех, кто был бесправен, беспомощен и бессловесен (Киевлянин 1870). Причем “особо отличались” во время ритуала опозорения – гиканьем, криками, оскорблениями, бросанием камней в падшую женщину – дети, подростки, но главным образом женщины-соседки (Наказание 1879; Образчик 1887).

У казаков за супружескую измену устраивалось “зимнее купание на аркане в про-рубви”, особенно если мужу удавалось поймать жену с “блудодейником”. Кроме того, “за продерзости, чужелюбие и за иные вины, связав руки и ноги, и насыпавши за рубашку полные пазухи песку, и зашивши оную или с камнем навязавши, в воду метали и топили за несоблюдение честности”. Те, “у кого сердце было погорячее”, снимали голову жены шашкой, вырезали из спины жены ремни (рана либо заживала, либо была смертельной). “Иные, раздев жену донага, привязывали на дворе и остав-

ляли на съедение комарам или близ муравейника – на съедение муравьев” (*Сухоруков* 1824: 265; *Харузин* 2004: 465).

К позорящим наказаниям жен, оказавшихся неверными при долговременном отсутствии мужей, относятся различные формы остракизма и незамечания жен после возвращения их супругов. В Черкасском округе, коли “узнавали о противозаконной связи, ловили виновных, связывали их руки и водили по станице с барабанным (в жестяной казан) боем”. Многих водили полураздетыми – это тоже было элементом опозорения (Русские ведомости 1885; *Абрашкевич* 1994: 453). “Мальчишки били в печные вьюшки, заслонки и тазы; мужики насмехались, острили и ругались”. Широко распространенным был казацкий обычай в наказание неверной жены “не принять от нее поклона” (по возвращении казак должен поднять и поцеловать жену, и если он того не делал, значит, позорил) (Русские ведомости 1882; Донские 1876).

Очень важным для жены-изменницы у казаков было публичное признание вины. Иногда (и только оно одно) могло спасти повинную – ведь казаку полагалось ее простить: “Если жена в отсутствие мужа изменит ему, то при его возвращении она сознается в проступке и просит прощения. Казак должен – пусть скрепя сердце – простить жену, и если даже... прижила детей с любовником, их полагалось признать своими... Если же жена не осмеливалась выйти навстречу мужу, ее ожидали нескончаемые побои” (Московский вестник 1860: 28).

В целом же у донских казаков на свободу поведения замужней казачки смотрели “обыкновенно снисходительно” (*Номикосов* 1884: 320). В донских говорах внебрачных партнеров называли *любашиами/любашками* (*Барретт* 2007: 271). В иных губерниях мужики, имевшие по договоренности одну женщину в любовницах (зачастую мужняя жена спала не только с мужем, но и с его приятелем или с отцом мужа, т. е. свекром), звали друг друга *свозяками*. На такое сожительство, как рассказывали, смотрели равнодушно: “*Не капуста – не вчерпают допуста*”, “*Не малина – не объедят*”, “*Какая была – такая и останется*” (РКЖБН 3: 554).

Любопытно, что в некоторых российских губерниях (напр., в Ярославской) мир допускал месть законной жены женщине-разлучнице в виде позорящих наказаний: битья окон, вымазывания сажей и дегтем ворот, однако к рубежу XIX–XX вв. волостные суды уже смотрели на это как на самоуправство (РКЖБН 2.2: 365; РКЖБН 2.1: 463). Позорящими способами наказания одной женщины другою было разбивание окон в доме разлучницы (РОРЭМ. Оп. 2. Д. 378: 2), отрезание хвостов у ее скотины, обмазывание ее куреня дегтем, избивание (при участии соседей) – вплоть до поджогов, убийств, отрезания косы, порчи одежды и иного имущества (Донские 1876: 44; РКЖБН 4: 149).

В то же время ситуация, когда и муж-казак, и жена-казачка имели каждый “друзей” на стороне, но жили друг с другом при этом согласно, заторной не считалась (*Харузин* 1994: 280), но была редкой. Народные воззрения о справедливости и не только допустимости, но даже необходимости физического воздействия мужа на жену-изменницу на протяжении всего XIX в. были практически неоспоримы. В центральных и южных русских губерниях избивания мужьями жен за неверность были особенно зверскими. Описаний их – масса. Били ременными прутьями, повесив вниз головой “к переводине на дворе собственного дома”, привязав к сохе или за волосы к потолочной балке, припрядывали “косой к хвосту лошади и в таком виде” непрерывно избивали, сидя на лошади верхом. Соседи смотрели на это равнодушно: “*Свой муж, что хотит, то и делает*” (Наказание 1884; *Н.Н.* 1879; *Крюкова* 1994: 119). “Ни один человек не осмеливался сказать даже слово за страдальицу в той уверенности, что это дело правое, что муж имеет неограниченную власть над своею женою” (*Троицкий* 1880). “Один казак, заподозрив в измене свою жену, привязал ее косами к оглобле и с этой несчастной пристяжной проехал во всю прыть до соседнего форпоста” (Уральск 1880).

Даже на Русском Севере, где крестьяне практически никогда не позорили жену, которая *баловала*, считалось необходимым дать волю супружеской мести, да и из хозяйственных соображений мужу выгоднее было ее “скорей бить-учить, чем гнать”.

Баловство становилось тем более частым, чем скорее распространялось “отходничество”, о котором информатор из Вологодчине сказал, что оно имело “пагубное влияние: возвращаются почти каждая падшими” (РКЖБН 5.3: 212). В Ярославской губ. муж жены-изменщицы по обычаю избивал ее до полусмерти – исключения составляли только случаи сожительства жены с богатым человеком, “когда муж мог за счет жены поживиться деньгами, в этом случае муж бил жену лишь для блезира, для вида, чтобы над ним не смеялись соседи” (РКЖБН 2.1: 463). Если в Поволжье связанную виновницу народный обычай предписывал избить именно “на народе”, публично, а не только (и не столько) дома (РКЖБН 4: 150), то в Твери, Костроме и на Русском Севере считалось правильным “сора из избы не выносить”; там всеми делами о супружеских изменах ведали старики, а не волостные суды. Помимо избиений распространенной формой опозорения было отрезание мужем косы у жены (РКЖБН 1: 217; РКЖБН 5.3: 230).

“Старое понятие, приравнивавшее жену к рабочему скоту, выражается и во встречающемся нередко наказании жены мужем припряганием ее к лошади; это наказание применяется исключительно к жене, непокорной мужу...” (Новороссийский телеграф 1887). Даже в начале XX в. это наказание встречалось в Алтайском крае и его помнили старожилы, жившие там после войны (*Сафьянова* 1989: 96). Типично южнорусским наказанием неверных жен у казаков, как сказывали старики, было привязывание изменщицы на ночь на могильном кресте с завязанным над головой подолом. Изменщицу там могли привязать и к мельничному крылу, “на малый оборот”, “пусть покружится голая при всем святом народе...” (*Рыблова* 2000: 50).

Если такие нравы царили в Центральной России, то на ее окраинах отношение к супружеской неверности могло сильно от них отличаться. Чем южнее – тем очевиднее была строгость, чем севернее – тем мягче отношение к проступкам такого рода. Кроме того, в отличие от обычного, право светское, официальное, писаное было куда более гуманным в отношении адюльтера. Однако большинство юристов в XIX в. не допускали возможности равной ответственности за супружескую измену для обоих полов (*Краус* 1885: 367; *Абрашкевич* 1994: 382). Пока юристы обсуждали, стоит или не стоит наказывать за адюльтер, народ вырабатывал свои правила. Нижегородский информатор (Лукояновский уезд), отметив, что “случаи супружеской неверности бывают довольно часто”, указал на новшества, о которых и не слыхивали век тому назад: «На вопрос, почему она оставила мужа, отвечает: “Надоел... Не люб...”» (РКЖБН 4: 253).

* * *

Отношение к позорящим девушку или женщину наказаниям за неверность как к обязательному акту возмездия в условиях войн и революций начала и особенно середины XX в. стало размываться. При советской власти, однако же, в годы затруднения разводов и сталинской пронаталистской политики, направленной на укрепление семьи, тема “Стыд – та же смерть” (Даль) оказалась неожиданно трансформированной (*Казьмина, Пушкарева* 2004: 200). Это, несомненно, отдельная тема (*Пушкарев, Пушкарева* 2007: 199–227), но очевидно: устыдительные наказания в измененном виде появились в годы, когда частная жизнь индивидов все более переставала быть таковой, когда вне рабочие отношения и частные интимные связи становились предметом “разбора” на комсомольских и партийных собраниях.

Даже в годы хрущевской оттепели установка на “традицию” гласного обсуждения семейных кризисов, связанных с адюльтером, обсуждения (и осуждения) их в рабочих и производственных коллективах, на партийных, профсоюзных собраниях сохранялась (*Жидкова* 2009). Государственная политика поддержки семейного союза нашла выражение в манипулировании моральной категорией “прочной советской семьи”

(*Gradskova 2007*), а коллективные решения “по справедливости” как раньше, так и в это недавнее время все чаще превращались в самосуд. Дисциплинирующие своих членов собрания восходили, по мысли современных социопсихологов, к покаянным практикам восточного христианства (*Хархордин 2002*) и накладывались (добавим мы) на традиции русских сельских сходов в южной России, выносивших вердикты о виновности женщин и мерах наказания. Такая социальная память скоро изжитая не могла. Не случайно и французский исследователь Ален Блюм предупреждает об осторожной оценке воздействия индустриализации на семейные взаимоотношения: СССР стал индустриальной страной, но в общественном сознании были укоренены старые воззрения (*Блюм 2005: 128–129*).

В мире современных российских юношей и девушек XXI в. вопросы *девичьей чести* как категории корпоративной (девичьей) морали, судя по сообщениям, редко обсуждаются девочками (зато очень часто дискутируются – при всяком обращении к “традиционным ценностям” – всем обществом через СМИ). Отношение к добрачному сексуальному опыту девушек сильно модернизировалось. Тема неразрешительности “женской свободы” так или иначе присутствует в современных обсуждениях. Возможно, в сельском социуме отношение к допустимости применения позорящих женщину наказаний – за добрачное ли нецеломудрие или за супружескую неверность – может быть иным, чем в городе (*Муж наказал 2005*). Около 11% мужчин хотят видеть свою невесту девственницей, и они вместе с 56% тех, кому это “безразлично”, разительно противостоят абсолютному большинству женщин (72%), мечтающих о том, чтобы их сексуальный партнер, избранный в мужа, был бы не только не девственником, но именно опытным в интимных отношениях (*Бутовская 2001: 319*). При этом, согласно последним опросам, до трети современных образованных респондентов считают, что мужчина может бить жену в наказание за что-либо, особенно – “если она изменяет мужу” (*Горикова, Шурыгина 2003*).

Это ли не наследие многовековой традиции?

* * *

В данном очерке были рассмотрены позорящие наказания для женщин, связанные с попытками поставить под контроль женскую сексуальность. Она, как и большинство других аспектов частной жизни, всегда была охвачена экспансией властных систем (согласимся с М. Фуко). Власть, включая власть современную, постоянно *надзирила* над женской сексуальностью, а в XX в. в рамках советской системы надзора ухитрилась проникать в области, степень интимности которых и не снилась преמודернистским культурам.

Говоря о последних, стоит принять во внимание: свободу нравов и поведения ни одна из традиционных культур Европы допустить не могла. Патриархатная многогамная семья, создававшаяся с определенно выраженной целью рождения детей, предполагала происхождение их от определенного отца – иначе рушилась вся схема и порядок наследования. Кроме того (и вследствие того), сложившиеся правила поведения были тем внутренним регулятором, без которого культура не устояла бы. Без понятия “нормы” и отклонений, без правил, которые должны были все соблюдать, мог возникнуть тот хаос в области морали, который выразила русская поговорка “*Дай душе волю – захочет и боле*”.

Пространства для мобилизации продуцировались самой экспансией надзора. Власть надзирающего и наказывающего предполагала укрепление иерархий: оступившаяся оказывалась в полной власти тех, кто устраивал ей “вывод”. Участники же жуткого действа возвеличивались, ничем не отличившись, кроме соучастия в опозорении. Связь понятий “прелюбодеяние” и “разврат” в основном с проступками женщин гиперболизировалась в религиозных догматах, а уж согласно им женщина считалась самым источником греха (*Кон 2009*).

Сила, насилие – часть порядка господства, в том числе – господства традиции; насилие над нецеломудренной девушкой и женой-изменщицей – это деструктивная реакция на уменьшение женского соучастия в правилах поведения, разделяемых данной социальной группой (Гидденс 2004: 138). Когда речь шла о нецеломудренности и непостоянстве, мужская культура фактически наказывала женщин – вспышками ярости, физическими расправами – за собственные слабости и потребность в них (ведь воспроизводить себя можно только при участии женщин). Именно эти факторы руководили психологическим насилием (и, вероятно, все еще лежат в его основе) над теми женщинами, которые решались все-таки проявить собственные желания и предпочтения. “Мужские” законы обещали им физическое и моральное насилие, оскорбления, упреки, грубость, боль, страх, но... девушки и женщины все же шли против запретов и тем самым сохраняли самоуважение, поскольку доверяли своим желаниям.

Если хронологические пределы бытования устыдительных наказаний для женщин в Европе – это период Нового времени (XVI–XVIII вв. с задержкой в России до середины–конца XIX в.), то пределы географические требуют специального изучения и размышления. Схематизируя и огрубляя, можно заметить: чем севернее – тем реже была применимость опозорения, менее жестокими были сами формы устыжения. Чем южнее – наоборот. У кавказских народов за лишение девственности и соблазнение чужой жены виновный вообще должен был поплатиться вместе с женщиной, с которой его застали, жизнью. Право на убийство обоих имел отец девушки, муж женщины. В сопредельной Северному Кавказу части территории русские переняли большую ответственность в отношении девичьих игр-*досвиток*, большую сдержанность (Перерождение 1887).

На севере и северо-западе чаще встречались отступления от обязательности целомудрия. Скажем, у словаков, чехов ничего подобного позорящим наказаниям не наблюдалось, не знали их и в Швеции, Финляндии, Англии, где сельские общины терпимо относились не только к добрачным связям молодежи, но и к внебрачным детям. У англичан практиковались концерты “адской” музыки – *шаллал* (любопытно, что это напоминает французское название *шаривари*) – но нет никаких данных, что так срамили только девушку или женщину: так поступали с теми, за кем велась дурная слава, слухи, нередко доставалось вдовцам или тем, кто имел большую разницу в возрасте (когда было очевидно, что брак будет бездетным) (Stibranova 1982: 35; Березина, Морозова 1990: 48; Шлыгина 1990: 9; Шервуд 1990: 107, 127).

Южнее чаще встречалось бытование ритуалов опозоривания: у австрийцев, венгров, штирицев это были насмешливые песни, куплеты (Руденский 1989: 72), аналогичные *сенсеррады* существовали у испанцев (с возможностью откупиться от издевательств, но зато – при отсутствии откупа – продолжавшиеся несколько дней), у португальцев, но в Европе они касались осрамления не только девушки или женщины (Кожановский 1989: 162; Серов 1989: 174). У французов на севере, особенно в Бретани, бытовали строгие ритуалы опозорения, на юге общественное мнение было – парадокс! – более терпимым (Иванова, Покровская 1989: 184). Надевание хомута на шею нецеломудренной невесте практиковали поляки (Dworakowski 1935: 80–82), изгнание из села, избивание кнутом и проклятие – сербы (у них также бытовал ритуал дырявого кубка) (Кашуба 1988: 126). У болгар нецеломудренную невесту полагалось вымыть на глазах у всего села, иногда ее на телеге отвозили обратно к родителям; к концу XIX в. чаще практиковалась материальная компенсация: двойное-тройное приданое (Майнов 1871: 11; Марков 1892: 38).

Так или иначе, но уже в начале XX в. и педагоги, и юристы активно выступали против жестоких наказаний. Тем более что наказываемое поведение не исчезало; оно почти всегда возвращалось замаскированным или сопровождая другие отступления от норм.

Источники и литература

- Абрашкевич* 1994 – *Абрашкевич М.М.* О прелюбодеянии по русскому праву (Цит. по: *Пушкарева* 2004. Кн. 2).
- Аргудяева* 1997а – *Аргудяева Ю.В.* Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX – начало XX в.) М., 1997.
- Аргудяева* 1997б – *Аргудяева Ю.В.* Семья и быт в восточных регионах России. Владивосток, 1997.
- Базылев и др.* 1998 – *Базылев Б., Бельчиков Ю., Леонтьев А., Сорокин Ю.* Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права // *Честь, достоинство и репутация.* М., 1998. С. 12–13.
- Бальжанова* 2007 – *Бальжанова Е.С.* Мир женских грехов // *Женщина в истории Урала и Сибири XVIII – начала XIX в.* Екатеринбург, 2007. С. 123–134.
- Барретт* 2007 – *Барретт Т.М.* “Не годится казаку жить одному”: Женщины и гендер в казачьей истории // *Нестор.* 2007. № 11. С. 31–39.
- Березина, Морозова* 1990 – *Березина Т.А., Морозова М.Н.* Шведы // *Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы.* М., 1990. С. 215–227.
- Бернштам* 1988 – *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.
- Блюм* 2005 – *Блюм А.* Родиться, жить и умереть в СССР. М., 2005.
- Бреус* 2003 – *Бреус И.С.* Прошлое и настоящее обычного права: к вопросу о содержании термина // *Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии / Под ред. Н.И. Новиковой.* М., 2003. С. 21–52.
- Бутовская* 2001 – *Бутовская М.Л.* Язык тела. Природа и культура. М., 2004.
- Власкина* 1999 – *Власкина Т.Ю.* Девушка-казачка в предбрачный период // *III Конгресс этнографов и антропологов России.* М., 1999. С. 207–208.
- Гидденс* 2004 – *Гидденс Э.* Трансформация интимности. Сексуальность, любовь, эротизм в современных обществах. М.; СПб., 2004.
- Горшкова, Шурыгина* 2003 – *Горшкова И., Шурыгина И.* Насилие мужей против жен: данные общероссийского социологического исследования // *Женщина+. Социально-просветительский журнал.* 2003. № 2. С. 38–44.
- Громыко* 1991 – *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991.
- Г-ъ 1870 – Г-ъ А.* Внебрачные рождения в Архангельской губернии // *Архангельские губернские ведомости.* 1870. № 77.
- Даль – Даль В.И.* Пословицы и поговорки // <http://vidahl.agava.ru/zavet.htm>; <http://pribautka.ru/proverbdaahl/175.html>
- Даль* 1866 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1866.
- Дело 1882 – Дело об истязании // Волжско-Камское слово.* 1882. № 119.
- Донские 1876 – Донские областные ведомости.* 1876. Апрель.
- Ефименко* 1869 – *Ефименко П.С.* Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии // *Труды Архангельского губернского статистического комитета за 1867 и 1868 годы.* Вып. 3. Архангельск, 1869. С. 178–201.
- Жидкова* 2009 – *Жидкова Е.М.* “Попросил прощения у жены и извинился перед коллективом” // *Социальная история.* М., 2009 (в печати).
- Журавченко* 1872 – *Журавченко М.М.* Наблюдения, сделанные в селе Оптове Черниговской губернии // *Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским РГО. Т. 6: Юго-Западный отдел.* СПб., 1872. С. 213–219.
- Заметка 1865 – Заметка о грамотности и нравственности крестьян Лаишевского уезда // Казанские губернские ведомости.* 1865. № 47.
- Зорин* 2001 – *Зорин Н.В.* Русский свадебный ритуал. М., 2001.
- Иванова, Покровская* 1989 – *Иванова Ю.В., Покровская Л.Ф.* Народы Франции // *Брак у народов Западной и Южной Европы.* М., 1989. С. 178–211.
- Кабакова* 2001 – *Кабакова Г.И.* Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001.
- Казьмина, Пушкарева* 2004 – *Казьмина О., Пушкарева Н.* Брак в России XX века: традиционные установки и инновационные эксперименты // *Семейные узы: Модели для сборки.* Кн. 1 / Сост. С. Ушакин. М., 2004. С. 19–41.
- Кацуба* 1988 – *Кацуба М.С.* Народы Югославии // *Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы.* М., 1988. С. 301–315.

- Киевлянин 1870 – Киевлянин, 1870. № 131.
- Киркор* 1854 – *Киркор А.* Этнографический взгляд на Виленскую губернию // Этнографический сборник. Вып. III. СПб., 1854. С. 38–48.
- Кистяковский* 1872 – *Кистяковский А.Ф.* Волостные суды, их история, настоящая их практика и настоящее их положение // Труды этнографическо-статистической... Т. 6. С. 215–224.
- Кистяковский* 2004 – *Кистяковский А.Ф.* К вопросу о цензуре нравов у народа (Цит. по: *Пушкарёва* 2004. Кн. 1).
- Кожановский* 1989 – *Кожановский А.Н.* Народы Испании // Брак у народов Западной... С. 178–195.
- Кон* 2009 – *Кон И.С.* Мужчина теряет свое господствующее положение // Частный корреспондент. 16 янв. 2009 г. (<http://www.chaskor.ru/p.php?id=2629>)
- Костров* 1876 – *Костров Н.А.* Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876.
- Краснов* 1881 – *Краснов Н.* Исторические очерки Дона. Т. I: От Разина до Булавина. // Русская речь: Журн. литературы, политики и науки. СПб., 1881. Год 3 (Янв.). С. 21–23.
- Краус* 1885 – *Краус*, прокурор. Непотребство // Свод замечаний на проект особенной части Уголовного Уложения. Т. III. СПб., 1885. С. 315–316.
- Крюкова* 1994 – *Крюкова С.С.* Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М., 1994.
- Литинская*, *Сафьянова* 1978 – *Литинская В.А.*, *Сафьянова А.В.* Свадебные обряды русского населения Алтайского горного округа // Русский народный свадебный обряд. М., 1978. С. 121–213.
- Майнов* 1871 – *Майнов В.Н.* Юридический быт болгар. СПб., 1871.
- Марков* 1892 – *Марков Х.* Сватбарски обичаи и песни: От Самоковско // Сборник НУ. 1892. Кн. 6. С. 201–213.
- Миненко* 2007 – *Миненко Н.А.* Женщина-казачка в Урало-Сибирском социуме XVIII – начала XX в. // Женщина в истории Урала и Сибири XVIII – начала XX в. Екатеринбург, 2007. С. 121–129.
- Московский вестник 1860 – Московский вестник. 1860. № 11.
- Муж наказал 2005 – Муж наказал жену по-американски // Комсомольская правда. 17. 08. 2005 (<http://www.kz.kp.ru/2005/08/17/doc78295>)
- Н.Н.* 1879 – *Н.Н.* Из станицы Голодаевки // Донские областные ведомости. 1879. № 99.
- Наказание 1879 – Ст. без загл. и автора “Наказание через посрамление...” // Русский курьер. 1879. № 64.
- Наказание 1884 – Ст. без загл. и автора “Наказание мужем жены...” // Русские ведомости. 1884. № 268.
- Никишенков* 2003 – Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства в XIX – начале XX в. / Отв. ред. А.А. Никишенков. М., 2003.
- Новороссийский телеграф 1887 – Из Новомосковского уезда // Новороссийский телеграф. 1887. № 3719.
- Номикосов* 1884 – *Номикосов С.* Статистическое описание Области войска Донского. Новочеркасск, 1884.
- Нос* 2004 – *Нос С.Д.* Покрытка (Цит. по: *Пушкарёва* 2004. Кн. 2).
- Образчик 1887 – Образчик крестьянского суда // Московские ведомости. 1887. № 197.
- П.П.* 1858 – *П.П.* Заметка для нравственной статистики // Современник. 1858. Т. LXXII. № XI. С. 105–109.
- Перерождение 1887 – Перерождение старых обычаев // Терские областные ведомости. Владикавказ, 1887. № 9.
- Пушкарёв*, *Пушкарёва* 2007 – *Пушкарёв А.М.*, *Пушкарёва Н.Л.* Ранняя советская идеология 1918–1928 годов и “половой вопрос” // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / Ред. Е. Ярская-Смирнова, П. Романов. М., 2007. С. 199–227.
- Пушкарёва* 2004 – *Пушкарёва Н.Л.* “А се грехи злые, смертные”. Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века. Вып. 2. В 3 кн. М., 2004.
- РКЖБН 1 – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. (Далее – РКЖБН). Т. 1: Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004.
- РКЖБН 2.1 – РКЖБН. Т. 2: Ярославская губ. Ч. 1: Пошехонский уезд. СПб., 2006.
- РКЖБН 2.2 – РКЖБН. Т. 2: Ярославская губ. Ч. 2: Даниловский, Любимский, Борисоглебский уезды. СПб., 2006.

- РКЖБН 3 – РКЖБН. Т. 3: Калужская губ. СПб., 2005.
- РКЖБН 4 – РКЖБН. Т. 4: Нижегородская губ. СПб., 2006.
- РКЖБН 5.1. – РКЖБН. Т. 5. Вологодская губ. Ч. 1. СПб., 2007.
- РКЖБН 5.2 – РКЖБН. Т. 5: Вологодская губ. Ч. 2: Кадниковский уезд. СПб., 2007.
- РКЖБН 5.3 – РКЖБН. Т. 5: Вологодская губ. Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб., 2007.
- РКЖБН 5.4 – РКЖБН. Т. 5: Вологодская губ. Ч. 4: Тотемский уезд. СПб., 2007.
- РОРЭМ – Рукописный отдел Российского этнографического музея. Фонд 7.
- Руденский* 1989 – *Руденский Н.Е.* Венгры // Брак у народов Западной... С. 117–127.
- Русские ведомости 1882 – Русские ведомости. 1882. № 210.
- Русские ведомости 1885 – Русские ведомости. 1885. № 113.
- Рыблова* 2000 – *Рыблова М.А.* Материалы этнографической экспедиции ВолГУ за 1999 г. Т. 2. Волгоград, 2000.
- Рыблова* 2007 – *Рыблова М.А.* Огонь, вода и сковорода: к вопросу о позорящих наказаниях по обычному праву у донских казаков // Дикаревские чтения-13. Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа. Краснодар, 2007. С. 397–414.
- Самосуд 1875 – Самосуд // Санкт-Петербургские ведомости. 1875. № 201.
- Сафьянова* 1989 – *Сафьянова А.В.* Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 78–101.
- Селькова* 1986 – *Селькова М.Л.* К изучению семейных юридических обычаев на территории Архангельской губернии XIX в. // История и культура Архангельского Севера. Вологда, 1986. С. 215–224.
- Серов* 1989 – *Серов С.Я.* Португальцы // Брак у народов Западной... С. 264–278.
- Смирнов* 1878 – *Смирнов А.Г.* Обычай и обряды русской народной свадьбы (Цит. по: *Пушкарева* 2004. Кн. 1).
- Смирнов* 1994 – *Смирнов А.Г.* Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа (Цит. по: *Пушкарева* 2004. Кн. 1).
- Снегирев* 1833 – *Снегирев И.М.* Русские в своих пословицах: Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках. В 4 кн. Кн. 3. М., 1833.
- Соловьев* 1878 – *Соловьев (б. иниц.)* Самосуды у крестьян Чистопольского уезда Казанской губернии // Записки Императорского Русского Географического общества. 1878. Т. VIII. Отд. III. С. 17.
- Сухоруков* 1824 – *Сухоруков В.Д.* Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях // Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного, на 1825 год. СПб., 1824. С. 265–271.
- Тенишев* 1907 – *Тенишев В.В.* Правосудие в русском крестьянском быту. Свод данных, добытых этнографическими материалами покойного князя В.Н. Тенишева. Брянск, 1907.
- Тереценко* 1848 – *Тереценко А.В.* Быт русского народа. Ч. II: Свадьбы. СПб., 1848.
- ТКПВС – Труды Комиссии по преобразованию волостных судов: Словесные опросы крестьян, письменные отзывы различных мест и лиц и решения. Т. I: Тамбовская губ.; Т. II: Владимирская и Московская губ.. СПб., 1872; Т. III: Ярославская, Костромская, Нижегородская губ. СПб., 1873; Т. IV: Харьковская и Полтавская губ. СПб., 1874.
- Троицкий* 1880 – *Троицкий Андрей*, священник с. Никольского. Муж-варвар // Пензенские губ. вед. 1880. № 240.
- ТЭСЭ 1855 – Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским РГО. Т. 5: Уголовное решение № 153. СПб., 1855.
- ТЭСЭ 1872 – Труды этнографическо-статистической экспедиции... Т. 6. СПб., 1872.
- Уральск 1880 – Уральск // Русский курьер. 1880. № 97.
- Федянович* 1997 – *Федянович Т.П.* Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья (конец XIX в. – 1980-е годы). М., 1997.
- Филитов* 1859 – *Филитов М.А.* Взгляд на русское судоустройство и судопроизводство // Современник. 1859. № 4. Отд. 1.
- Харузин* 2004 – *Харузин Н.Н.* К вопросу о борьбе Московского правительства с народными языческими обрядами и суевериями в первой половине XVII века (Цит. по: *Пушкарева* 2004. Кн. 1).
- Хархордин* 2002 – *Хархордин О.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М., 2002.

- Чижикова* 1978 – *Чижикова Л.Н.* Свадебные обряды русского населения Украины // Русский народный свадебный обряд. М., 1978. С. 153–164.
- Шервуд* 1990 – *Шервуд Е.А.* Англичане // Брак у народов Северной... С. 71–115.
- Шлыгина* 1990 – *Шлыгина Н.В.* Финны // Брак у народов Северной... С. 291–304.
- Щепанская* 2001 – *Щепанская Т.Б.* Зоны насилия (по материалам русской сельской и современных субкультурных традиций) // Антропология насилия. СПб., 2001. С. 41–61.
- Čvetanovska* 2001 – *Čvetanovska J.* Traditional Punishments for Female Sins // Macedonian Folklore. Т. XXIX. Broj 58–59. Skopje, 2001. S. 564–558.
- Dworakowski* 1935 – *Dworakowski S.* Zwycaje rodzinne w powiecie Wysoko-Mazowieckim. W-wa, 1935. S. 80–82.
- Gradskova* 2007 – *Gradskova Y.* Soviet People with Female Bodies. Performing Beauty and Maternity in Soviet Russia in the mid 1930–1960s. Stockholm, 2007.
- Stibranova* 1982 – *Stibranova T.* Uloha moralky pri vybere manzelskeho partnera // Slovensky narodopis. 1982. № 2. S. 35–46.

N.L. Pushkareva. Disgracing Punishments for Women in Nineteenth and Early Twentieth Century Russia

Keywords: Russian customary law, women, disgracing punishments, ethnography of family, gender roles, gender studies in ethnology, feminist ethnography

Disgracing punishments, having originated in the late medieval epoch, survived for at least three centuries, and for over four in Russia. They assumed a gender hue and were practiced in peasant communities up until the 1920s; and it were women (in Russia, as in most other cultures of the patriarchal type) that were subject to infidelity and adultery punishments. The article seeks to answer a range of questions such as: Under what conditions and in what ways were such punishments applied to women in nineteenth and early twentieth century Russia? Why both in Europe and in some parts of Russia were there regions in which these punishments did not exist? What are specificities of the Russian practices in regard to disgracing gender-biased violence directed against missteps related to the female body?

ЭО, 2009, № 5

© И.Г. Семенов

МЕТАМОРФОЗЫ ЭПИТЕТА “ЕВРЕЙСКИЙ” В ДАГЕСТАНСКИХ ПРЕДАНИЯХ*

Ключевые слова: дагестанские легенды, старейшие аулы, эпитет еврейский, эпитет христианский, евреи Дагестана

Еврейское население на территории Дагестана появилось не позднее X в., о чем свидетельствует упоминание арабо-персидским автором о том, что правитель области Джидан (Хайдак; соответствует приблизительно территории современных Кайтагского и ряда прилегающих к нему районов Республики Дагестан (далее – РД)) в пятницу молился с мусульманами, в субботу – с евреями, а в воскресенье – с христианами (*Минорский* 1963: 220). Судя по всему, в средневековый период ареал расселения евреев на Восточном Кавказе был ограничен равнинной и предгорной зонами. Во всяком

Игорь Годович Семенов – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН; e-mail: i_semyonov@pochta.ru